

НОВЫЕ ШТРИХИ К ДОРОГИМ ПОРТРЕТАМ

В РИМЕ живет сын великого русского певца Ф. И. Шаляпина — Федор Федорович Шаляпин. Он итальянец по матери, но человек глубоко русский по культуре и по языку. Он профессиональный киноактер, много лет снимался в фильмах в США и Италии. И сегодня, несмотря на преклонный возраст, его время от времени приглашают на киностудии. Только что он вернулся в Вечный город из непродолжительной поездки в Америку к вдове своего старшего брата художника Бориса Шаляпина.

— Я вновь собираюсь в Москву, а ездить с пустыми руками к друзьям не привык, — улыбается Федор Федорович. — Из-за океана я привез портрет замечательного русского актера, племянника А. П. Чехова Михаила Александровича Чехова. Его написал Борис. С согласия вдовы брата я намерен передать его в дар бахрушинцам — Театральному музею в Москве, с сотрудниками которого меня связывает давняя дружба. Ответу и некоторые фотографии из семейного архива. Надеюсь, что они пополнят коллекцию Музея Ф. И. Шаляпина. И еще я везу «Русский пейзаж с рыбаком» превосходного художника Константина Коровина, с которым отец много лет дружил. Из отцовского сценического реквизита я разыскал халат Сальери, в котором он пел первый акт в опере Римского-Корсакова «Модест и Сальери», пояс Ивана Грозного и орден «Золотое руно», служивший ему украшением в опере Дж. Верди «Дон Карлос».

— Федор Федорович, насколько я знаю, это не первые ваши подарки для московских музеев?

— Совершенно верно. Кое-что уже я отвез на родину, в том числе портрет моего отца, который висел у нас в доме в гостиной. Его начал писать Коровин, но портрет не получился. Отец решил подправить художника. А рисовал он, как известно, весьма сносно. Но вышло еще хуже. Тут подошел большой друг отца живописец Валентин Серов и блистательно дописал портрет. Только вот это совместное произведение Константин Алексеевич отказался подписать. Но Серова это не смутило. Он подписал его и за него и за себя. Это, так сказать, курьез. А если говорить всерьез, то я искренне убежден, что все, что имеет отношение к прошлому русской культуры, должно находиться в Советском Союзе. Я, например, глубоко возмущен, когда узнал, что в Лондонский театральный музей был продан костюм царя Бориса, в котором отец пел в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Этот костюм сделали специально для него по эскизу замечательного художника-декоратора А. Я. Голвина.

Ф. Ф. Шаляпину довелось встречать в доме своего отца многих талантливых художников, артистов, писателей, музыкантов. Когда он рассказывает — а рассказчик он интересный, со вкусом к деталям, словно оживают страницы, подчас полузабытые, из летописи русского искусства. Особенно часто его рассказ возвращается к Сергею Васильевичу Рахманинову. С ним он близко сошелся, несмотря на разницу лет, и дружил до самой смерти выдающегося музыканта и композитора в 1943 году.

— Сергея Васильевича отец встретил в частной русской опере у Саввы Ивановича Мамонтова в Нижнем Новгороде. Тогда он по сути дела начинал путь оперного певца. Молод был и Рахманинов, только что окончивший консерваторию. Дружба их продолжалась всю жизнь. Отец высоко ценил талант Рахманинова. Это был один из немногих дирижеров, с которым он работал, что называется, душа в душу. Отец часто исполнял в концертах арию Алеко из его одноименной оперы по мотивам пушкинских «Цыган». Много раз просил он композито-

ра «дописать» эту оперу. Отец был убежден, что в образе Алеко великий русский поэт вывел самого себя. А Пушкина он чтит безмерно. Он полагал, что оперу следовало дополнить сценой пролога, в которой бы Алеко предстал человеком бездумного и лживого «высшего света». Тогда бы, считал он, психологически образ Алеко приобрел законченность и глубину и стал бы понятен его бунт против современного ему общества. Но Сергей Васильевич отказывался «дорабатывать» оперу. Он считал ее лишь ученической работой, не больше. Не лестило ему и то, что она была отмечена золотой медалью на выпускном конкурсе в Московской консерватории. А как отцу хотелось спеть «самого» Пушкина!..

— Наша дружба с Сергеем Васильевичем продолжалась в Америке, куда нас занесла судьба, — рассказывает Федор Федорович. — Он ездил по стране, давал концерты, причем всегда возил с собой свой рояль. Ходит легенда о том, что он якобы ездил в специальном вагоне. Это неверно. Он пользовался обычным купе, как все артисты, выезжающие на гастроли. Концертный сезон у него был строго расписан по дням. Он давал примерно сорок концертов в год и зарабатывал на жизнь в основном концертами. Успех он имел колоссальный. А душой стремился на родину, искренне тосковал на чужбине. Даже американского гражданства не принял до конца своих дней. Особенно он переживал, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз и фашистские орды ринулись в глубь нашей родины. Он давал концерты, сбор от которых шел в фонд Красной Армии. «Верю в конечную победу», — так закончил он свое сопроводительное письмо, отправляя в Советский Союз медицинское оборудование, закупленное на заработанные концертами средства.

Рахманинов заболел в гастрольной поездке, — продолжает Федор Федорович. — Неожиданно почувствовал себя плохо, слег. Его привезли в Лос-Анджелес, где он должен был выступать в концерте. Я был на перроне в числе встречающих. Мы вынесли его на носилках из вагона через окно, так как боялись потреть в узком вагонном коридоре... Когда он умер, я предложил снять с него посмертную маску. Не знаю уж почему, но родственники отказались. На свой страх и риск ночью я пробрался в русскую церковь и при тусклом свете лампочки сделал рисунок карандашом.

Прошу Федора Федоровича рассказать о том, каким он запомнил композитора.

— Это был на редкость скромный, я бы даже сказал, застенчивый человек. В его поведении не было ровным счетом ничего от «гения», всю жизнь он снимал квартиры и только под конец купил домик. Он любил шутку и откликался на нее веселым, идущим от души смехом. Ему доставляло удовольствие бывать в нашей актерской компании, слушать смешные истории. Когда он пришел к умирающему отцу, грустный и подавленный, отец вывел его из этого состояния шуткой: «Ну, что, — спросил он, — ты пришел к одру больного или больному одру?» Рахманинов засмеялся каламбуром.

К музыке Сергей Васильевич относился исключительно серьезно. Уже всеми признанный исполнитель-виртуоз, он каждое утро по два часа играл упражнения для рук, исполняя особенно сложные пассажи. Еще два часа после завтрака он занимался композицией. Его увлечением или, как сейчас говорят, хобби были автомобили. В дореволюционной России он обзавелся машиной одним из первых... Сергей Рахманинов был выдающийся артист. Я очень рад, что его имя окружено таким уважением в Советском Союзе...

Н. ПАКЛИН,
соб. корр. «Известий».